

© ЭО, 2004 г., № 4

С. С. Савоскул

ВПЕРВЫЕ НА СЕВЕРЕ: Б.О. ДОЛГИХ – РЕГИСТРАТОР ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ*

Летом 1984 г. во время экспедиционного выезда в Эвенкийский автономный округ я нашел в окружном архиве “Отчет Туруханской Статистической экспедиции с 15 мая по 31 декабря 1926 года”, составленный “Зав. переписью ЦСУ в Туруханском крае” А.П. Куриловичем¹. Этот документ, судя по его титульному листу, был подготовлен для ЦСУ СССР и Сибирского краевого статистического отдела. В Туру он, возможно, попал еще в 1928–1929 гг., когда его автор работал здесь заведующим Туруханской культбазой и одновременно собирал материал для книги “Советская Тунгусия”².

Отчет Куриловича я прочитал с большим интересом. Известная всем этнографам-североведам Приполярная перепись предстала вдруг в живых лицах. Но, пожалуй, особенно интересным и неожиданным было для меня то, что среди ее участников оказался Борис Осипович Долгих – известный этнограф, хорошо знакомый мне по первым годам моей работы в Институте этнографии АН СССР.

Найденный документ я, конечно, скопировал, а, возвращаясь из округа, задержался в Красноярске и, не медля, отправился в краевой архив в надежде больше узнать и о самой Туруханской экспедиции, и о работе в ней Долгих. За неделю я прочел и выписал довольно много, но, к сожалению, далеко не все из найденного – ксероксов в архивах тогда не было, все выписки приходилось делать вручную, и это отнимало много времени.

Надеясь еще раз попасть в Красноярск, я все откладывал с написанием хотя бы небольшой статьи по запавшему в душу сюжету, пока не дождался времен, когда добраться из Москвы в Красноярск было для рядового научного сотрудника довольно проблематично из-за весьма прозаических материальных причин. К тому же после распада СССР я надолго занялся изучением проблем, весьма далеких от Севера и Сибири. Но все же в 1991 г. на научных чтениях в Институте этнологии и антропологии АН СССР, посвященных памяти Б.О. Долгих, я сделал сообщение об его участии в Приполярной переписи³. Но что-либо печатать на эту тему по-прежнему не хотелось, памятуя о не прочитанных мной в Красноярске бумагах.

И вот недавно по счастливой случайности на одной конференции, где я рассказал о работе Долгих регистратором Приполярной переписи⁴, мне предложили участвовать в проекте по истории этой переписи в Туруханском крае. В результате 20 лет спустя я все же попал и в долгожданный архив, и в рукописный фонд Красноярского краеведческого музея, где в 1937–1944 гг. работал Борис Осипович. За месяц удалось прочесть и скопировать (большую часть уже на ксероксе!) не только все, что было когда-то намечено, но и новые, до этого не известные мне документы. “Теперь можно и писать”, – подумал я, вернувшись домой, и сел за свой старенький компью-

---

* Работа выполнена при поддержке этнографического раздела “Байкальского археологического проекта” Альбертского университета (г. Эдмонт, Канада) из средств Канадского Совета по социальным и гуманитарным наукам (MCRI 412-2000-1000).

тер. А тем временем настал и 100-летний юбилей Б.О. Долгих, которому я и хочу посвятить эту долго вынашиваемую статью.

* * *

Известно, что в 1925 г., за год до начала Приполярной переписи, Борис Осипович закончил Самарский промышленно-экономический техникум и получил скромную специальность бухгалтера. С целью продолжить учебу и получить университетское гуманитарное образование он в том же году уехал в Москву. Но поступить в университет не удалось. В этой непростой ситуации юноша решил не сдаваться. Он остался в Москве, снял “угол” и стал ходить вольнослушателем на лекции по этнографии и антропологии в 1-й МГУ. Одновременно он работал техническим сотрудником в Обществе по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока, посещал заседания и в этом обществе, и в Институте антропологии 1-го МГУ. На очередном заседании общества Долгих узнал о начинающейся вскоре Приполярной переписи и о возможности принять в ней участие. Получив рекомендацию у тогда уже известного антрополога проф. В.В. Бунака, он был включен в число статистиков-регистраторов переписи⁵. Ему предстояло больше года провести в районах Енисейского Севера – регионе, называвшемся тогда Туруханским краем.

Приполярная перепись

Приполярная перепись по существу была частью первой Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1926 г. Вопрос об организации на всей территории СССР переписи населения, а также переписей сельского хозяйства, промышленности и торговли был поставлен летом 1925 г. Во время его обсуждения местные исполнительные комитеты и статистические учреждения Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера России, а вместе с ними ЦСУ СССР и Комитет Содействия народностям Севера при ВЦИК подняли вопрос о необходимости и своевременности производства таких же переписей на Крайнем Севере страны. В последующем во всесоюзном масштабе все переписи, за исключением демографической, были отложены, но похозяйственную перепись на Севере решили осуществить⁶.

В конце марта 1926 г. Совет Народных Комиссаров СССР поручил ЦСУ произвести похозяйственную перепись на Приполярном Севере, а именно на северных окраинах Дальневосточной области без Петропавловского и Охотского уездов Камчатской губ., в северных округах Якутии, в Туруханском крае, в северных районах расселения тунгусов Киренского и Иркутского округов, на Тобольском севере, в Большеземельской тундре Коми автономной обл., Малоземельской и Канинской тундре и на островах Архангельской губ., в тундре Мурманской губ. Местные исполнительные комитеты несколько расширили эту территорию, причем перепись на дополнительных территориях производилась за счет местных средств⁷.

ЦСУ СССР разработало при участии местных статистических органов план и программы проведения переписи. После обсуждения программ в специальной комиссии по производству переписи были приняты два основных формуляра: похозяйственная карточка, заполняемая на каждое отдельное оседлое или кочевое хозяйство, и поселенный бланк – на каждый населенный пункт или отдельную совместно кочующую группу туземного населения. Некоторые из местных статистических отделов, в том числе и Сибирское статуправление, в ведении которого находилась организация переписи и в Туруханском крае, расширили программу переписи, введя специальные дополнительные формуляры⁸.

В тогдашних условиях Севера (преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни местных народов; огромные территории с редкой и слабой сетью поселений; отсутствие современной для того периода транспортной системы, за исключением летнего паромного сообщения по ряду северных рек; кадровые и финансовые

трудности) обширная программа переписи не могла быть осуществлена за оставшиеся месяцы 1926 г. Реально она проходила с мая 1926 г. по осень 1927 г.⁹

Успешно удалось решить и проблему с переписчиками. Благодаря весьма большой популярности предстоящей Приполярной переписи, о которой заранее сообщалось в центральной и местной печати, число заявлений на участие в ее проведении в ряде местных статистических отделов значительно превышало потребность. В результате удалось подобрать “довольно квалифицированный и знакомый с условиями работы на севере персонал”. Из 133 человек, принимавших участие в переписи, 50 (в том числе 9 женщин) имели высшее образование. “Из них: девять этнографов, два ученых ихтиолога, один зоолог-охотовед и др. Некоторые сотрудники экспедиций обладали знаниями туземного языка. В числе сотрудников было 27 статистиков и около половины (55 чел.), ранее работавших на севере и хорошо знавших условия работы в тундре”¹⁰.

Можно полагать, что из девяти упомянутых этнографов двое были в составе Турханской экспедиции Приполярной переписи – Б.О. Долгих и М.Ю. Георгиевский – ученик иркутского этнографа проф. Б.Э. Петри, в то время активно вводившего статистические методы в изучение современного хозяйства и быта малых народов Восточной Сибири¹¹.

К этим двум этнографам, очевидно, можно добавить и четырех работавших на Камчатке регистраторов – студентов и выпускников Ленинградского географического института Баурмана, Орлову, Физика, Шаврова¹². Судя по тому, что Е.П. Орлова, ставшая впоследствии известным этнографом, была ученицей Л.Я. Штернберга, создавшего в начале 1920-х годов этнографический факультет этого института¹³, видимо, и остальные камчатские переписчики учились на этом факультете. Выпускником указанного института в отчете Дальневосточного краевого статистического управления назван и рекомендованный В.Г. Богоразом Е.А. Крейнович (в отчете явная описка – Крайнович), работавший на востоке Сахалина¹⁴. В дальнейшем он стал видным лингвистом, крупнейшим специалистом по нивхскому языку и этнографом¹⁵. В Приморье одним из регистраторов Приполярной переписи был этнограф А.Н. Липский¹⁶. На Европейском Севере в переписи ненцев Тиманской тундры участвовал студент-медик 1-го МГУ П. Барский, проявлявший “большой интерес к этнографии кочевников”¹⁷. Возможно, какое-то отношение к этнографии имел и студент Ленинградского университета В.С. Золотарев, принятый в переписную экспедицию на Кольском п-ове “по рекомендации ученого секретаря Госуд. Географического Общества”¹⁸.

Кстати говоря, руководителем Приполярной переписи в северо-западной части Приморья, где ее осуществлял персонал колонизационной экспедиции, являлся знаменитый краевед, путешественник и писатель В.К. Арсеньев¹⁹, а одним из регистраторов на Чукотке работал Т.З. Семушкин²⁰, впоследствии ставший писателем, прославившимся романом “Алитет уходит в горы”, действие которого разворачивается в начальный период коллективизации на этой далекой российской окраине.

Наконец, следует сказать, что руководителем отдела по разработке Приполярной переписи ЦСУ СССР был П.Е. Терлецкий²¹ – в дальнейшем один из известных отечественных этнодемографов, долго руководивший соответствующим подразделением в Институте этнографии АН СССР.

В целом Приполярная перепись являлась значительным по своим масштабам и уникальным как для российского Севера, так и для всех северных регионов мира мероприятием, подобного которому в мировой статистической практике не было ни до этого, ни после. Но, к сожалению, до сих пор значимость итогов этой переписи по настоящему не оценена. Сравнительно мало известна и история ее проведения, хотя в свое время, помимо обнародования основных ее итогов, вышло множество посвященных ей публикаций. Между тем научное значение Приполярной переписи велико хотя бы уже потому, что она проходила в период, когда народы Севера еще во многом сохраняли традиционный образ жизни, поскольку основные мероприятия по

его преобразованию были еще впереди. Собственно говоря, главная цель переписи и состояла в том, чтобы советская власть, к тому времени только начавшая по-настоящему осваивать Север, получила бы в итоге ее проведения полные данные о местном населении для планирования новой национальной политики в северных районах страны.

Туруханская статистическая экспедиция

В апреле 1926 г. ЦСУ СССР разослало директивы о проведении похозяйственной Приполярной переписи в Уральское, Сибирское, Дальневосточное и другие региональные статистические управления. В Сибирском крае²² к административным районам, в которых предстояло провести Приполярную перепись, были отнесены Нарымский край Томского округа, Туруханский край Красноярского округа, часть Приангарского края Канского округа и Киренский у. бывшей Иркутской губ. Тогдашний Туруханский край (официально – район) включал в себя в основном территорию нынешних Таймырского (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийского автономных округов, а также Туруханский р-н современного Красноярского края и другие приенисейские территории, расположенные по линии севернее Ярцева на Енисее.

Последняя стадия подготовки к переписи Енисейского Севера началась в мае 1926 г., когда был назначен начальник Туруханской статистической экспедиции – 24-летний Адам Петрович Курилович – советский и партийный работник губернского уровня, единственный коммунист в руководимом им небольшом коллективе. Он, будучи к тому же заместителем председателя Красноярского внутторга, хорошо знал Енисейский Север, дважды участвовал в экспедициях по Туруханскому краю, проведенных по инициативе Енисейского губернского исполкома и Красноярского комитета Севера, и являлся автором ряда газетных и журнальных статей о Сибирском Севере²³.

После назначения начальника организация экспедиции проходила в большой спешке, поскольку запланированное проведение ее работы в 1926 г. могло быть сорвано. А.П. Курилович писал: “комната экспедиции в те дни – это хаос: бумага, спецодежда, ящики со снаряжением, оружие, продукты и все, что хотите. Регистраторы здесь же и ночуют на столах. Все в движении и ужасной спешке. Дорог каждый час, потому что пароход уже у пристани...”²⁴.

Для непосредственной полевой работы по проведению переписи отобрали 12 статистиков-регистраторов, самому старшему из которых – А.К. Дингильштедту – исполнилось 40 лет, в то время как остальные были гораздо моложе его. Тем не менее все отобранные статистики являлись высококвалифицированными специалистами. Одни – А.К. Дингильштедт, Г.Л. Канищев, Н.В. Сушилиин – уже имели довольно большой опыт работы в этой области, другие были заинтересованы в работе на Севере, исходя из своих научных (или творческих, как художник А.П. Лекаренко) интересов. Н.П. Наумов специализировался в зоологии, орнитологии и охотоведении, Н.А. Остроумов являлся научным сотрудником Сибирской ихтиологической лаборатории. П.М. Георгиевского – студента третьего курса факультета общественных наук Иркутского университета – рекомендовал в экспедицию сибирский этнограф Б.Э. Петри, а Б.О. Долгих, как уже говорилось, получил рекомендацию от антрополога В.В. Бунака. Зоолога и охотоведа Л.И. Гиршфельда, видимо, рекомендовал его учитель – известный биолог, путешественник и писатель Б.М. Житков. М.А. Рейнгольд был юристом. Н.И. Кодолов и А.Ф. Тулуниин не один год работали в Туруханском крае (первый – в торговых учреждениях и капитаном парохода, второй – счетоводом и драгером на приисках) и хорошо знали местные условия²⁵.

Кстати говоря, статистиком-регистратором Туруханской экспедиции вполне мог стать и третий этнограф. В красноярском архиве хранится письмо проф. В.Г. Богова от 23 июня 1926 г. Красноярскому комитету Севера с рекомендацией на эту должность аспирантки Ленинградского университета Г.М. Василевич, ставшей впоследствии известным тунгусоведом²⁶. Но эта просьба запоздала – ко времени получе-

ния письма все вакантные места в экспедиции были уже заняты и большинство ее участников выехали на переписные участки²⁷.

Переписчикам предстояло работать по широкой программе, включавшей сбор многочисленных статистических данных о населении, его хозяйстве, о поселениях или отдельных кочевых группах, о торговле, путях сообщения, школьном образовании, медицинском обслуживании, органах власти. Кроме того, всем регистраторам следовало собирать не только статистические, но и чисто описательные материалы о традиционных способах и местах охоты, рыбной ловли, путях кочевания местного населения, о его семейном и общинном устройстве, традиционных обычаях и верованиях.

Эти и многие другие сведения (к сожалению, впоследствии в большинстве своем не обработанные и не опубликованные) записывались как на специальных бланках (прежде всего в поселенную, групповую карточку, состоявшую из 30 с лишним страниц), так и в путевых дневниках регистраторов. В дневниках, ведение которых было хотя и не обязательным, но, безусловно, желательным²⁸, регистраторам следовало отмечать и свои фенологические наблюдения. Кроме того, каждый из них имел фотоаппарат и делал снимки, в которых отразились и быт северян, и окружающая их природа²⁹.

Всего за время экспедиции образовалась коллекция из нескольких сот фотоснимков³⁰, на основе которой было составлено четыре больших альбома, отправленных в ЦСУ³¹. Как писали в декабре 1927 г. в Сибирский краевой статистический отдел руководители красноярского окрестатотдела, «альбомы эти должны служить наглядным свидетельством и памятником тяжелых жертв и усилий, перед которыми во имя науки и жизненных интересов малых народностей Приполярного Севера, СССР не остановился при проведении Всесоюзной переписи 1926–27 года»³².

Во время передвижений по переписным участкам регистраторы, если представлялась возможность, отправляли в Красноярск небольшие отчеты-сообщения о своей работе (часто в форме писем к Куриловичу), а после завершения переписи составляли более обширные отчеты.

Следует сказать, что впоследствии жизнь многих регистраторов Туруханской экспедиции оказалась тесно связана с Енисейским Севером, в том числе с его научным исследованием. Так, А.П. Курилович и Н.П. Наумов написали первую книгу об Эвенкийском национальном округе, они же стали авторами и ряда самостоятельных работ о Туруханском Севере³³. Интересные статьи опубликовали Н.А. Остроумов и Н.В. Сушилиин³⁴. Красноярский художник А.П. Лекаренко во время своего длительного маршрута по северу нынешней Эвенкии и Таймыру сделал сотни зарисовок из быта северных народов и окружающей их природы, а также собирал фольклорные материалы. Вернувшись из экспедиции, он устроил в 1928 г. выставку этюдов, рисунков и эскизов³⁵. Но, несомненно, в научном отношении наиболее значительный вклад в изучение народов Туруханского Севера внес Б.О. Долгих.

Исследовательская работа регистраторов (наряду с собственно статистической) не входила в официальные планы Приполярной переписи, однако поощрялась ее руководством. Это в полной мере относилось и к Туруханской экспедиции³⁶. Уже тогда руководители экспедиции и ряд ее участников понимали, что результаты проведенной ими работы отнюдь не ограничиваются получением только статистических данных. После завершения полевого этапа переписи наряду с обработкой ее количественных итогов и последующей их публикацией была подготовлена выставка «Туруханский край», которая экспонировалась вначале в Красноярске, а потом, по рекомендации Комитета Севера, и в Центральном музее народоведения в Москве. Выставка состояла из отделов по географии, экономике, в том числе торговле, а также большого этнографического раздела. Кроме того, стремясь как можно полнее донести до общественности итоги работы Туруханской экспедиции, А.П. Курилович и К.М. Нагаев – уполномоченный Сибирского статистического бюро по переписи Туруханского края – выступили в 1927 г. с инициативой публикации, наряду со статис-

тическими сводками, и серии научно-литературных трудов, основанных прежде всего на самом широком круге новых данных, полученных в ходе переписи. К сожалению, эта идея не была осуществлена из-за отсутствия материальных средств³⁷.

Сейчас, по прошествии времени, становится очевидным: Туруханская экспедиция провела не только грандиозное статистическое обследование, но и значительную по своим масштабам комплексную научную работу.

Для проведения переписи вся территория была поделена на 15 переписных участков. При этом учитывались тяготение населения к пунктам сдачи продукции своего промысла и товарного снабжения; годовые циклы кочевания и места более длительной оседлости, связанные с ярмарками, проведением праздников и сугланов (собраний). Прилегающие к Енисею районы, заселенные преимущественно русскими, были поделены на участки (между наиболее крупными населенными пунктами) с включением в них ближайших мест кочеваний “туземцев”. При этом маршрут регистраторов составлялся так, чтобы их прибытие в тот или иной пункт совпадало со временем или выхода туда “кочевников-туземцев”, или с их сосредоточением в местах промысла, летовок, зимовок и оленьих пастбищ³⁸. Регистраторы получили описания своих переписных участков. В этих описаниях содержалась краткая физико-географическая характеристика местности, перечислялись населенные пункты, характеризовались (по возможности) этнический состав и численность населения, рассказывалось о некоторых особенностях образа жизни и поведении основных этнических групп и связанных с этим возможных трудностях при проведении переписи. Кроме того, в описаниях указывалось предположительное время движения по маршруту (*Долгих*. Отчеты. Л. 31–32 об.).

Лето 1926 г. Подкаменная Тунгуска. Прибыв в конце мая 1926 г. в Красноярск, Б.О. Долгих вместе с другими переписчиками прошел инструктаж: их наспех, по словам Сушилина³⁹, ознакомили с многочисленными формами бланков, рассказали об условиях предстоящей работы и особенностях жизни коренного населения. Каждому регистратору выдали необходимое количество переписных бланков, оборудование, нужное для жизни и работы в суровых условиях края, а также деньги, карты, инструкции по заполнению статистических формуляров, документы, в том числе письма к местным властям и работникам факторий⁴⁰, и, наконец, вышедшую незадолго до переписи книгу Добровой-Ядринцевой о народах Туруханского края⁴¹.

9 июня 1926 г. Б.О. Долгих вместе с тремя другими регистраторами, составившими первую партию Туруханской экспедиции, на лихтере парохода “Лена” отплыл из Красноярска вниз по Енисею. 15 июня они прибыли в Ярцево, где сошел на берег Л.И. Гиршфельд, которому предстояло переписывать тунгусов на р. Сым⁴².

18 июня у устья Подкаменной Тунгуски Долгих и Сушилины сошли с парохода, а Остроумов поплыл дальше – в низовья Енисея. Борису Осиповичу до осени предстояло переписать подкаменнотунгусских кетов и тунгусов (эвенков), собиравшихся в то время на ярмарку у фактории Кузьмовка⁴³.

В книге “Кеты”, вышедшей в 1934 г., Долгих так описывает свое впечатление от впервые увиденных им представителей этого народа: “Когда пароход... причалил к деревне Подкаменная Тунгуска, еще издали, около серо-черной толпы русских, зацвели неожиданно яркими синими, зелеными, желтыми пятнами группы туземцев. Затем, когда уже бросили причалы, стали отчетливо видны и их отдельные фигуры в мешковатых, но новых суконных халатах, туго перетянутых поясами, суконных гетрах и крепкой кожаной обуви. Короткие ножи болтались у них на бедрах, словно кортики моряков... Из-под белых платков, из-под прядей черных или распущенных или заплетенных в косы волос смотрели резкие угловатые профили, до такой степени напоминавшие северо-американских индейцев, что странно было сознавать себя на территории СССР, в глубине Азии, а не где-нибудь на берегах Рэд-Ривер в Соединенных Штатах”⁴⁴.

До 22 июня Долгих и Сушилины пробыли в д. Подкаменная Тунгуска. На здешнюю весеннюю ярмарку приплыли на илимках (больших – до 10 м в длину – лодках с бе-

рестяной каютой) почти все подкаменнотунгусские кеты, которых тогда называли енисейскими остяками. Время проведения ярмарки близилось к концу, кеты спешили сдать заготовленную зимой пушнину, чтобы получить взамен необходимые им товары и отправиться к традиционным местам своих летних рыбалок: у одних они располагались на Подкаменной Тунгуске, у других – на Енисее. Поэтому переписывать кетов приходилось в чрезвычайной спешке (Там же. Л. 34). Борису Осиповичу пришлось начать работу с посещения чума шамана Василия Мосейкина, пользовавшегося большим влиянием среди кетов. “Лишь только когда он был зарегистрирован, – писал позднее в своей книге Долгих, – стали приходиться другие кеты”⁴⁵.

Из похозяйственной карточки, заполненной на шамана⁴⁶, можно узнать, что ему исполнилось 40 лет, звали его Василий Егорович, а его “туземное” прозвище – Дер’ит. У шамана были жена и три дочери. Рыболовством в истекшем хозяйственном году Мосейкин не занимался. Его годовой доход 350 руб. (для сравнения: у русских крестьян, постоянно живших в селениях по Енисею, годовой доход был в целом не больше⁴⁷, а Долгих за 15 мес. работы регистратором получил 2070 руб.⁴⁸) составляли “гонорары” за производимые им камлания. Зимой семья шамана жила в районе фактории Черный Остров, весной она спускалась на илимке по реке к д. Подкаменная Тунгуска, а после ярмарки сплавалась верст на 20 от устья Подкаменной Тунгуски вниз по Енисею, где и проводила лето. К зиме она проделывала обратный путь до Черного Острова.

К прибытию парохода “Кооператор” с начальником экспедиции и второй партией регистраторов перепись кетов в основном была закончена. За четыре дня работы Борис Осипович успел зарегистрировать 52 остяцких (кетских) хозяйства, в которых проживали 260 человек (Там же. Л. 35).

Утром 23 июня пароход отправился вверх по Тунгуске, чтобы успеть по большой воде доставить товары для здешних факторий. Через два дня к вечеру добрались до маленькой русской деревни Кузьмовка, преодолев 200 верст пути (Там же. Л. 35). Тут Долгих остался, а Сушилилин на следующее утро поплыл на пароходе дальше, чтобы попасть на факторию Полигус, где он должен был заняться переписью местных тунгусов⁴⁹.

В Кузьмовке Долгих пробыл три недели. В первый же день для разъяснения задач переписи он провел суглан тунгусов, вышедших на здешнюю весеннюю ярмарку. Как и на подкаменнотунгусской ярмарке, работать приходилось крайне спешно. Ситуация осложнялась тем, что в окрестностях деревни не было пригодных для оленей пастбищ, поэтому тунгусы оставались на ярмарке недолго, к тому же многие стремились уклониться от переписи. Тем не менее удалось переписать практически всех тунгусов этого района – 62 семьи с общим числом населения около 425 человек. После окончания их регистрации Борис Осипович принялся переписывать постоянное русское население деревни, состоявшее из 19 хозяйств, и одновременно собирал материал для дополнительных бланков, в частности сведения о товарообороте тунгусских хозяйств на основании документов Кузьмовской фактории (Там же. Л. 35–35 об., 39–40).

16 июля Долгих отправился из Кузьмовки на лодке вниз по Подкаменной Тунгуске. По пути он провел перепись в маленьком поселке Черный Остров, а вечером 18 июля вернулся в д. Подкаменная Тунгуска. Здесь он прожил до начала августа, занимаясь в основном приведением в порядок составленных к тому времени бланков. В те же дни он несколько раз ездил к ближайшим кетским становищам, чтобы выяснить, нет ли там незарегистрированных людей (Там же. Л. 39), и, надо полагать, заодно собирал этнографический и фольклорный материал.

После подготовки краткого предварительного отчета о переписи на Подкаменной Тунгуске Борис Осипович по распоряжению Куриловича был 5 августа “переброшен” на станок Осиновский на Енисее, где в течение нескольких дней провел перепись местного, главным образом русского населения. На станке жило довольно

много ссыльных, и регистратор и на них составил переписные бланки (Там же. Л. 39–41).

Из Осиновского Долгих также ездил в кетские становища и переписал некоторые не зарегистрированные до того семьи. Одновременно он продолжил сбор материалов по этнографии кетов, в частности во время работы в кетском становище Бызыккаловка, по словам Долгих, “был нащупан родовой строй у остяков, после чего пришлось сделать дополнения и исправления во всей переписи остяков” (Там же. Л. 39–39 об.). Молодому этнографу, несомненно, потребовалось немало усилий, чтобы выяснить и родовой состав кетов, и названия их родов. Позднее он писал в книге: “Кроме родового названия, туземной фамилии, русского имени и отчества кеты имеют еще и свои туземные имена, которые по старинному обычаю надо скрывать от посторонних (также как и название родов). До сих пор кет, когда ему надо сказать свое имя, несколько мнется и, сказав его, часто указывает, что говорит его лишь потому, что видит, что его спрашивают не зря, а для государственной переписи”⁵⁰.

К середине августа Борис Осипович вернулся на лодке в д. Подкаменная Тунгуска, где пробыл до начала сентября (ко времени прибытия парохода “Кооператор”), обрабатывая переписные материалы и совершая поездки к кетским становищам (Там же. Л. 39 об.). Как мы видим, кеты очень заинтересовали молодого исследователя. Недаром первой его книгой стала работа именно о них. А в 1948 г., во время первой послевоенной экспедиции Долгих на Север, предпринятой им уже в качестве сотрудника Института этнографии АН СССР, он прежде всего отправился на Подкаменную Тунгуску к кетам⁵¹. Да и впоследствии Борис Осипович не раз возвращался к изучению кетской этнографии⁵².

На пароходе по пути в Дудинку Долгих плыл вместе с Куриловичем и регистраторами соседних участков – Лекаренко, Наумовым и Рейнгольдом, которым он передал списки переписанных им “туземцев”, чтобы те не оказались зарегистрированными дважды (Там же. Л. 41).

Лекаренко и Наумова высадили в устье Нижней Тунгуски, а точнее, в Ново-Туруханске, откуда они направились на катере с илимками кооператоров вверх по реке. На фактории Большой порог они расстались: Наумов поплыл дальше, а Лекаренко направился на оленях вглубь Илимпийской “тундры”, чтобы в конце пути выйти к оз. Ессей, а оттуда попасть на юг Таймыра – на так называемый Хатангский тракт⁵³. Здесь на станке Беленьком произойдет вторая встреча с Долгих.

Приплыв на “Кооператоре” в Дудинку, Борис Осипович и там продолжал приводить в надлежащий вид заполненные летом переписные бланки. Одновременно он готовил второй, более полный отчет о летней работе по “12а” переписному участку, который закончил к 1 октября. В отчете указывалось, что за прошедшие два с половиной месяца зарегистрированы 58 семей остяков (кетов) “с 301 душой населения”, 62 семьи тунгусов, насчитывавших 431 человек, 58 семей русских с “326 душами”, а всего “178 семей с 1058 душами населения, не считая 16 человек ссыльных в ст. Осиновом” (Там же. Л. 40 об.). Всей же Туруханской статистической экспедицией, судя по отчету ее руководителя, до конца 1926 г. было зарегистрировано свыше 1500 семей представителей северных народов и более 1000 русских семей, что составило не менее 60% работы по переписи населения края⁵⁴.

Говоря о надежности данных, полученных во время летней переписи, регистратор Б.О. Долгих, в частности, пишет, что показания остяков (кетов) о количестве добытой рыбы нельзя считать вполне достоверными, поскольку из-за обложения сданной рыбы налогом остяки старались преуменьшить ее улов и сдачу (Там же. Л. 40 об.). Немало трудностей, по его словам, вызвало и выявление количества оленей у богатых оленеводов-тунгусов. Эти сведения он собрал косвенным путем – со слов соседей, по данным факторий и пр. При этом указанные цифры, по мнению Долгих, “близки к истине и, во всяком случае, не преувеличены. Так, у самого богатого тунгуса я имел данные, что его стадо состоит из 1800 зверей, но более 1300 представить нельзя было, чтобы не впасть в ошибку ...” (Там же. Л. 41).

Б.О. Долгих. Дудинка – перед отъездом в Затундру. Конец 1926 г. Из фондов КККМ

Зима 1926/1927 г. Таймыр. Зимой передвигаться по глубинным районам Туруханского края, расположенным вдали от больших рек, было легче, чем в теплое время года. Поэтому руководители переписи планировали использовать зимний санный путь для проникновения в самые далекие, глухие места, которые летом оказывались практически недоступны.

В октябре – первые дни ноября Долгих с Гиршфельдом, закончившим летом перепись сымских тунгусов, занимались подготовкой к зимней экспедиции в Затундру (в Туруханском крае так издавна называли не очень широкую полосу границы леса и тундры, протянувшуюся от Дудинки до Хатанги⁵⁵). Для передвижения регистраторов по зимней тундре и лесотундре требовалось два балка – своего рода маленьких вагончиков с дверкой и окном, поставленных на большие олени нарты. Деревянный остов “вагончиков” обтягивали оленьими шкурами, поверх которых его обивали парусиной, а изнутри – ситцем. Внутри балка устанавливались койка и столик. Отапливался он небольшой железной печкой. Везли его 12–15 оленей, запряженных в один ряд. Делали балки обычно в Дудинке (Там же. Л. 7–8).

Готовясь к зимней поездке, молодые регистраторы-путешественники кроме основной работы по переписи строили личные научные планы. Гиршфельд собирался заняться изучением фауны, в том числе охотничьей, а также обследованием охотничьего промысла местного населения⁵⁶. Долгих же, помимо антропологических изыс-

каний, проводимых, конечно, по рекомендации Бунака, очевидно, намеревался, как и летом, заняться по возможности сбором этнографического и фольклорного материала.

В начале ноября у регистраторов все было готово к зимней поездке, и они только ждали поступления денег из Красноярска. 11 ноября, так и не дождавшись их, Гиршфельд и Долгих отправили Куриловичу в Красноярск телеграмму: “Сегодня выезжаем, деньги взяли Фомичева под перевод. Кодолов (регистратор. – С.С.) совершенно здоров. Шлем привет, настроение бодрое. Гиршфельд, Долгих”⁵⁷.

А через четыре дня Курилович получил еще одну неожиданную телеграмму: “Гиршфельд Боганиде покончил самоубийством, тело привез Дудинку. Долгих”⁵⁸. На запрос руководителя экспедиции о причине трагедии Борис Осипович ответил только 21 ноября: “Гиршфельд похоронен, покончил, предполагая сифилис, что не подтвердилось осмотре покойника врачом. Застрелился ночью балке своего парадкса... Оставил мне письмо. Труп обнаружил утром. Долгих”⁵⁹.

В посмертном письме, копия которого хранится в личном деле “статистика-регистратора Гиршфельда Леонида Ивановича”, он, обращаясь к своему напарнику, просит у него прощения за то, что оставляет его одного и называет причину, подтолкнувшую его взяться за свой “парадокс”⁶⁰. И начальник экспедиции, и, видимо, Долгих сочли эту причину нелепой. А.П. Курилович в письме к проф. Б.М. Житкову, опечаленному вестью о гибели ученика, сообщил, что в Дудинке находится медицинская экспедиция, которая могла бы оказать погибшему помощь или сделать предварительное освидетельствование, поскольку при большой мнительности легко попасть в ошибку. “Однако трагедия совершилась”, – сокрушенно писал он⁶¹.

Происшедшая в тундре трагедия, безусловно, навсегда осталась в памяти Бориса Осиповича. Тем не менее его жизнь, до краев наполненная работой и творческими планами, продолжалась. Интересно, что в предсмертном письме Гиршфельд, обращаясь к своему напарнику и сравнивая его с собой, писал: “... ты более сильный, более здоровый – и физически, и нравственно. Таким, как ты, принадлежит будущее”⁶².

Предстояло срочно искать замену погибшему регистратору, поскольку в конце ноября последние аргиши уходили из Дудинки в Затундру. Приглашать кого-либо из Красноярска или Новосибирска было уже поздно. Нужного работника, к счастью, удалось найти на месте. Им стал ссыльный студент Г.Ф. Рихтер. А.П. Курилович, видимо, желая оправдаться в глазах вышестоящего начальства за прием на работу ссыльного, писал в отчете за 1926 г., что Рихтер работает не самостоятельно, а под контролем регистраторов Долгих и Остроумова. Приглашение ссыльного в экспедицию, указывал Курилович, было вынужденным из-за чрезвычайных обстоятельств. И добавлял, что Рихтер, по отзывам регистраторов, достаточно подготовленный работник⁶³.

Этот осторожный тон в отчете начальника экспедиции не случаен. Дело в том, что еще до составления Куриловичем отчета об участии в переписи ссыльного сообщила 5 января 1927 г. газета “Советская Сибирь” (заметка “Ссылный в роли переписчика”). Скорее всего информация поступила от туруханских властей, в свое время рассчитывавших (нужно сказать, совершенно обосновательно) на свое участие в проведении переписи, и поэтому довольно критично настроенных по отношению и к руководителям Туруханской экспедиции, и к результатам ее работы.

Сибирское статистическое начальство, обеспокоенное тем, что неправильная информация о переписи и “оппозиционное” отношение к ней со стороны туруханских властей могут повредить ее проведению, поставило перед Куриловичем задачу срочно подготовить отчет о работе, проделанной Туруханской экспедицией в 1926 г., с тем чтобы представить ее в лучшем свете на конференции ЦСУ СССР в конце января 1927 г.⁶⁴ В ответном письме от 13 января начальник экспедиции сообщил, что к составлению отчета он уже приступил, а приглашение в экспедицию Рихтера объяснял чрезвычайной ситуацией. При этом он ссылался на Уральскую статистическую

экспедицию, в которой “большинство переписчиков из ссыльных и никакой особой беды в этом там не видят”⁶⁵.

О Г.Ф. Рихтере, вызвавшем столь много разговоров, известно очень мало. До последней поездки в красноярский архив (в 2003 г.) я даже не знал его полного имени. Но и там, просмотрев множество бумаг о Туруханской экспедиции, я долго ничего не мог найти о нем. Но однажды, знакомясь с переписными бланками, заполненными Долгих и Рихтером на Таймыре, я подумал: “А может быть среди карточек, составленных на жителей Дудинки, есть карточка и на Рихтера?”.

Догадка оказалась верной. Однако карточка, кстати, заполненная самим Рихтером, поведала немного. Правда, стало известно, что “товарища Рихтера”, как его постоянно называл в таймырском отчете Долгих, звали Георгий Федорович, что ему было 28 лет, и сослали его по ст. 61 Уголовного кодекса из Крыма, а в Дудинку он прибыл осенью 1926 г. На родине у него осталась семья из двух человек⁶⁶. Ст. 61 УК – политическая, по ней осуждали за “участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии”⁶⁷.

Однако вернемся к началу таймырской поездки Бориса Осиповича. В Затундру оба регистратора выехали в конце ноября, а может быть, и в самом начале декабря, поскольку Дудинский ВИК, несмотря на положительное распоряжение Сибирского и Красноярского ГПУ об участии ссыльного в переписи, самоуправно задержал отъезд регистраторов на пять дней⁶⁸. По пути пересекли ближайший к Дудинке VII переписной участок, работу в котором проводил Остроумов. Их же участки (VIII и IX) начинались у станка Авам.

Если прошедшим летом основными путями, на которых и вокруг которых шла жизнь и работа Долгих, были Подкаменная Тунгуска и Енисей, то зимние полгода прошли главным образом на “Большой русской дороге” (по-долгански *Улахан нютча суола*) и в ее окрестностях. Борис Осипович и его товарищ называли ее Хатангским трактом. Это был главный путь Затундры. Конечно, человек, привыкший к более цивилизованным местам, никакой дороги здесь бы не увидел. Как путь сообщения этот тракт существовал лишь зимой. Летом же связь между “станками”, цепь которых и составляла тракт, отсутствовала. Да и зимой их соединял лишь накатанный след от оленьих нарт, исчезавший после очередной пурги. Правда, опытный глаз и после пурги находил не только нужное направление, но и старался угадать заметный след, по которому было легче бежать оленям. На тракте в пределах тогдашнего Туруханского края от места, где ныне расположен Норильск, до Хатанги насчитывалось 29 станков. Далее на восток их цепь тянулась до Анабарского края, а возможно, и еще дальше – до низовий Лены (Там же. Л. 16–23 об.).

Рассказывая в своем “зимнем” отчете про Хатангский тракт⁶⁹, молодой исследователь отмечал, что “начало этой своеобразной системы расселения туземного населения по станкам, которое накладывает отпечаток не только на годовой цикл его кочеваний, но на весь быт, на всю его духовную и материальную культуру, было положено еще русскими казаками в незапамятные времена”. “В настоящее время, – продолжал он, – сознание необходимости везти до соседнего станка всякого приезжего русского глубоко вкоренилось в сознание туземцев и требование подводы выполняется ими беспрекословно во всякое время дня и ночи. Всякий кому пришлось ехать станками Хатангского тракта с благодарностью вспоминает тех безымянных пионеров завоевания тундры, которым удалось кулаком и мечом установить этот порядок в исполнении туземцами подводной повинности, трудом которых мы пользуемся на Севере по инерции до сих пор” (Там же. Л. 16–16 об.).

При каждом станке держали стадо, из которого и брали ездовых оленей для выполнения транспортных функций. Значительную роль в поддержании движения по указанному тракту играл так называемый хозяин станка. Как пишет Борис Осипович, таким «хозяином является обычно самый богатый (но не всегда), самый умный, расторопный, пользующийся по тем или другим причинам авторитетом домохозяин станка. ...На таком хозяине и лежит всей тяжестью подводная повинность, к нему

всегда заезжают проезжающие, он их угощает, он заботится о скорой подаче оленьей, если они (проезжающие. – С.С.) ночуют на станке, то укладывает их у себя спать и т.д. Часто станки и именуется по именам и прозвищам этих “хозяев”. Обычно “хозяева” станков и возглавляют политические группировки, как наиболее влиятельные лица, на сходках они говорят иногда от имени всего станка и т.д.» (Там же. Л. 17–17 об.).

На станок Авам регистраторы приехали 19 декабря. Встретил их, видимо, “хозяин” станка – затундринский крестьянин Макар Константинович Аксенов. На станке не было ни одной избы, все жили в больших нартяных чумах, по устройству похожих на балки, но большей величины. В это время станок находился верстах в 10 от р. Авам. Раньше же он стоял у слияния рек Авам и Дудыпта. Тогда он являлся административным центром Затундры, зимой там жил урядник, и платили ясак “авамские” самоеды (нганасаны). Большую часть населения станка, по словам Долгих, составляли затундринские крестьяне (девять семей), жили тут и четыре семьи затундринских якутов (Там же. Л. 17 об., 28).

Переночевав на Аваме, на следующий день Борис Осипович отправился к фактории с тем же названием, располагавшейся к северо-востоку от станка в стороне от тракта. Рихтер остался работать на станке и вблизи него (Там же. Л. 28).

Так начался зимний период работы Долгих в Туруханской экспедиции. В отличие от лета, когда большую часть аборигенов Борис Осипович переписал во время посещения ими весенних ярмарок, зимой регистраторам предстояло добираться до каждого стойбища и чума. Поэтому их передвижение по Затундре определялось системой расселения местных жителей. В своем отчете Борис Осипович описывает ее общую схему в пределах его с Рихтером переписных участков. Ее основа “состоит из станков Хатангского тракта от Авама до Хатанги... Станки вытянуты все в один ряд и хотя часть их населения живет в стороне от них или в избах и балаганах..., или в чумах..., но далеко от своего станка оно не отходит и всегда поддерживает с ним живую связь. Население станка всегда знает, где находятся их, сидящие в стороне сородичи, а живущие в окрестностях тракта всегда причисляют себя к тому или иному станку. Все станки состоят из групп изб. Исключение представляли два крайних станка Авам и Крестовский, жители которых по некоторым причинам не сидели близ своих изб. Необходимо особо отметить Волосянку, представляющую собой не просто населенный пункт, а столицу небольшого района” (Там же. Л. 26).

К северу от тракта “от западной границы участка до меридиана станка Исаевско-го” на востоке располагались нганасанские стойбища, “среди которых вкраплены фактории Авам и Боганида”. Их линия была неравномерна: “кое-где она утончается до одного стойбища, кое-где (в частности, близ вышеуказанных факторий) она состоит из нескольких рядов их”. «Южнее линии тракта самоеды в пределах 8 и 9 участков никогда не заходят, но они и не удаляются в течение зимы дальше от него, чем на 50–60 верст. Всего в пределах 8 и 9 участков насчитывалось более 40 отдельных самоедских стойбищ. Состоит каждое из них в среднем из 3 семей в 1 или 2 чумах. Максимум населения самоедских стойбищ 9 семей. Дорог между ними, конечно, никаких нет, но благодаря своей привычке часто ездить друг к другу в гости, самоеды всегда находятся в курсе всех передвижений, происшедших за последнее время в их орде. Если же стойбища в предполагавшемся месте не нашлось, искать следует по следам. Ночью это довольно затруднительно, а после пурги почти невозможно, но обычно к соседям всегда приезжает кто-нибудь из подвинувшегося стойбища, который и сообщает о своем новом местоположении и, опросив соседей, “адрес” любого самоеда можно узнать не менее точно, чем адрес горожанина в справочном столе» (Там же. Л. 25 об.–26).

Южнее тракта, в пустынном районе верховий р. Хеты и ее притоков, по пути в “Камень” (плато Путоран) и в его северных отрогах находились зимние стойбища живших на Таймыре эсеевских якутов и илимпийских тунгусов, которые состояли, как правило, из двух–трех семей. Летом они обычно откочевывали еще дальше к

Б.О. Долгих с “подводчиком” на станке Беленьком. Зима 1927 г. Из фондов КККМ

югу в “Камень”. Расположенные здесь стойбища не образовывали сплошной цепи, но, состоя из трех отдельных замкнутых районов, в целом все же противостояли линии тракта, облегая ее с юга (Там же. Л. 23–26 об.).

Стремясь ускорить перепись, Долгих и Рихтер обычно передвигались поодиночке, договариваясь при очередной встрече о месте следующей. Таким местом, как правило, становился тот или иной станок на тракте. Например, после расставания на станке Авам регистраторы вновь встретились на станке Волосянка. Здесь стояли две большие избы, принадлежавшие фактории Енисейского союза потребителей. Большую часть населения Волосянки и ее окрестностей составляли тунгусы, жившие в нартяных чумах. Закончив перепись района вокруг этого станка, регистраторы вновь разъехались: Рихтер отправился переписывать нганасан у следующего станка Летовье, а Долгих направил свой аргиш в сторону “Камня”. Перепись зимних стойбищ здешних тунгусов и ессейских якутов заняла у последнего почти месяц, и на Беленький он попал уже в середине января следующего 1927 г. (Там же. Л. 17 об. – 18 об., 28).

На станке Беленьком Борис Осипович встретил инструктора Туруханского райисполкома Савельева, ехавшего в Хатангу – бывшую до того времени волостным центром Затундры. Регистратор поручил ему договориться там о границах переписных участков с сотрудником Якутской статистической экспедиции. Видимо, от Савельева Долгих узнал, что “товарищ Рихтер” находится среди самоедских стойбищ к северу от станка Рассоха. Когда Борис Осипович добрался туда, то оказавшиеся там нганасаны отвезли его к Рихтеру. Как пишет в отчете Борис Осипович, его

Б.О. Долгих в долганской зимней одежде. Зима 1927 г. Из фондов КККМ

напарник был утомлен однообразной работой в тундре. Посоветовавшись, они решили, что немного поработают вместе, а потом Рихтер отправится на станок Беленький, откуда поедет на нижнюю Хету, где займется обследованием становищ якутов (главным образом ессейских) (Там же. Л. 28–28 об.).

28 января регистраторы расстались в верховьях р. Виски, притока р. Боганида. Отсюда Долгих, переезжая от одного нганасанского становища к другому, направился к станку Хатанга. Неподалеку от станка Исаевский им был отмечен самый восточный чум нганасан. Затем он перешел на тракт и, проехав за одну ночь 150 верст, 8 февраля добрался до Хатанги. Здесь ему передали письмо, оставленное якутским статистиком-регистратором Говоровым, который уже покинул селение и начал перепись следующего на восток станка Казачий. Станок же Хатанга и прилегающий к нему район Говоров оставил для работы туруханским переписчиком (Там же. Л. 28).

Станок Хатанга был самым большим на тракте. Во время пребывания здесь регистратора Долгих в Хатанге имелось 12 изб и церковь. В отличие от других станков, летом пустующих (к маю служащие факторий покидали их до следующей зимы, а местное население, обслуживавшее тракт, откочевывало со своими оленями в тундру), в Хатанге круглый год жили около 10 русских семей – служащих Хатангского общества потребителей и Госторга. До приезда переписчика Хатанга, как уже гово-

рилось, была и административным центром одноименной волости, в которую входила вся Затундра. На станке и в его окрестностях наряду с русскими служащими жило около 20 семей “туземцев”, в основном затундринских якутов и долган. Разговорным языком у них был долганский, который, однако, по наблюдениям регистратора, заметно отличался от того же языка на западе тракта (Там же. Л. 22 об.).

По словам Б.О. Долгих, “кроме факторий, на Хатанге имеется и ряд других учреждений, придающих ей характер столицы Затундры. Это, во-первых, правление туземного общества потребителей, школа, фельдшерский пункт и ВИК... Кроме того, при церкви есть особый церковный совет из туземцев, в ведении которого находится церковь и все церковное имущество” (Там же. Л. 23).

Проведя в Хатанге несколько дней, Долгих 13 февраля выехал в соседний Анабарский край Якутии, чтобы добраться до Избы Марка – единственного населенного пункта в восточной части IX переписного участка, находившегося далеко в стороне от Хатангского тракта. Это маленькое селение было расположено на р. Большая Балахна в 15 верстах от впадения ее в Хатангский залив. Для того чтобы добраться до него, регистратору предстояло проехать от Хатанги довольно далеко на восток в сторону р. Анабар и, миновав 13 станков, уже затем пересечь Хатангский залив по льду в обратном направлении – с востока на запад. Сел. изба Марка было самым северным пунктом из всех, куда добирались участники Туруханской экспедиции⁷⁰.

Население указанного селения составляли две семьи затундринских крестьян (всего 9 человек), “совершенно одичавших”, по словам Бориса Осиповича, “не говоривших по-русски и почти не поддерживавших сношений с внешним миром” (Там же. Л. 23 об.). Он отмечал, что так называемая Изба Марка являлась тогда самым северным туземным зимовьем Азии, но “раньше затундринские крестьяне жили еще севернее, по западному берегу Хатангского залива, где на картах до сих пор еще обозначены станки Хозяйский и Портнягинский. Ныне от них остались лишь пустые избы. Есть следы еще более северных поселений русских. Именно западнее впадения р. Нижнего Таймыра в море, на устье безымянной реки есть, по словам самоедов, изба. Двигаясь вверх по этой реке, самоеды нашли другую, а за этой, на расстоянии еще одного дня пути, третью. В последней избе нашли ряд предметов, несомненно, принадлежавших русским, в том числе детскую люльку. По-видимому, эта линия изб осталась от какой-то попытки русской колонизации на северном побережье Таймыра”⁷¹.

Можно полагать, что впечатления от этой дальней поездки и связанные с ней размышления о судьбах русских землепроходцев в Сибири оставили свой след в душе и памяти Бориса Осиповича и позднее нашли отражение в одной из его статей⁷².

Вернувшись через две недели в Хатангу, регистратор принялся за перепись населения этого селения и его окрестностей, а 7 марта отправился в обратный путь на запад с целью переписать жителей станков, многие из которых он и Рихтер пропустили, обследуя стойбища к северу и к югу от тракта. В середине марта, зарегистрировав жителей шести станков, Долгих приехал на станок Россомаший, где узнал, что его напарник к тому времени уже закончил перепись на Хете и работает на соседнем с Россомашьим большом станке Урядник, названном так по прозвищу его “хозяйина” – зажиточного затундринского якута, владельца 500 оленей Евдокима Аверьяновича Порозова. 20 марта Рихтер сообщил Долгих, что Лекаренко приехал с Ессея и находится на станке Беленьком. Завершив перепись в районе Россомашьего, Борис Осипович поехал к коллеге на Беленький (Там же. Л. 28–28 об.).

До недавнего времени я надеялся подробнее узнать о встрече переписчиков из дневника Лекаренко. Ведь повествование о жизни Б.О. Долгих в 1926–1927 гг. я веду в основном по его отчетам, поскольку дневника Бориса Осиповича того времени нигде не нашел. Но отчеты, хотя и дают вполне ясное представление о его работе, все же довольно суховаты, в них нет живых зарисовок, впечатлений человека, впервые попавшего на Север. А вот дневник Лекаренко (и очень большой!) сохранился и находится в красноярском музее. Поэтому я с нетерпением ждал того момента, когда смогу посмотреть на его записи второй половины марта 1927 г. И вот, открыв, нако-

нец, тетрадь художника на той странице, где он пишет про свой приезд поздним вечером 16 марта на станок Беленький, я с разочарованием увидел далее семь чистых страниц, которые автор, очевидно, хотел заполнить позднее, но так и оставил пустыми! А после пропущенных страниц записи датированы 10 апреля, когда оба регистратора выехали со станка⁷³. Таким образом, станок Беленький, где регистраторы пробыли вместе почти две недели, из дневника выпал. Мы так и не узнаем, что они делали, о чем говорили.

Конечно, можно полагать, что они в первую очередь должны были выяснить возможный недоучет при переписи в районе “Камня”, по которому проходила граница их участков. Несомненно, Лекаренко поделился с Долгих впечатлениями от своего более чем полугодового путешествия, показал рисунки, сделанные им в то время, рассказал о записях фольклора. Кстати говоря, во время своего дальнейшего путешествия по Таймыру, до возвращения в Дудинку, Лекаренко, уже освободившись от переписной спешки, продолжал делать этюды, рисунки⁷⁴, записывал сказки и предания нганасан. Всего в это время им было сделано 22 записи нганасанского фольклора, которые он позднее передал в распоряжение Института этнографии АН СССР⁷⁵. Характерно, что Борис Осипович, очень занятый в ту зиму переписью, успел записать у нганасан всего три фольклорных текста⁷⁶. А ведь впоследствии он стал по существу первооткрывателем их фольклора, подготовив к изданию два сборника нганасанских сказок и преданий⁷⁷.

И тем не менее дневник Лекаренко в чем-то оправдал мои ожидания. Он приоткрыл окошко в давно ушедший мир оживленного Хатангского тракта, разительно отличавшегося от илимпийской глуши, откуда только что приехал художник. 10 апреля он пишет: “Дни стоят солнечные... Ехать весело. Олени, хотя и вымотанные за зиму, по хорошо наезженной дороге тянут быстро – передвижение в этой тундре, конечно, никак не похоже на Илимпию – где мало оленей – мало торговцев, лес, глубокие снега – делают передвижение трудным. Здесь же – наоборот – публика многочисленная, дорога словно тракт, по которой день и ночь двигаются русские – туземцы. Возят ковчег (балки)”. А вот зарисовка, сделанная на станке Рассоха, где Лекаренко заночевал, проделав за день 80 верст: “... останавливаемся в избе, хозяином которой богатый якут в кожаной тужурке, в распинанных бисером коротких унтах, на руках пара перстней, говорит по-русски. За чаем занимаемся разными разговорами – коснулись, конечно, советизации тундры – спрашиваю – как Советскую власть уважаете? Половина-то уважаем, а половина нет...”⁷⁸.

После отъезда из Беленького Борис Осипович вновь встретился с Рихтером, на сей раз на станке Ефремовском. Тут они договорились о планах по завершению своей работы. Рихтер должен был закончить перепись на Ефремовском и приступить к регистрации населения расположенных к западу от него станков Боганида и Рассоха, а Долгих, миновав их, собирался переписать жителей станков Пайтурма, Мионовского, Бархатовского и Летовья. Завершив эту работу, он 22 апреля выехал со станка Летовье (где записал три нганасанских легенды⁷⁹), оставив напарнику записку, в которой указал, чтобы тот обследовал район следующего за Летовьем станка Волосянка. Сам же Долгих выехал к последнему на западе станку на их переписном участке – Авам (Там же. Л. 28 об.).

В начале мая Б.О. Долгих закончил перепись в районе этого станка и, не дождавсь Рихтера, направился к Дудинке, по дороге произведя перепись части населения соседнего VII участка, пропущенной работавшим там Остроумовым. В середине мая в устье р. Таловой товарищ его догнал. В это время уже наступила весенняя распутица, и, присоединившись 20 мая к аргишу Госторга, они через неделю прибыли в Дудинку (Там же. Л. 28 об.–29). Так закончилась их более чем полугодовая поездка по Затундре.

После непродолжительного отдыха регистраторы принялись переписывать жителей Дудинки, тогда еще села, поселка Малая Дудинка и окрестное население, жившее в чумах (Там же. Л. 29). Здесь наряду с постоянными жителями нередко прихо-

дилось регистрировать ссыльных, в том числе тех, кто только что прибыл на пароходе “Спартак”⁸⁰. Судя по выборке из похозяйственных карточек, заполненных во время Приполярной переписи, ссыльные составляли в тогдашних селениях по Енисею в составе Туруханского края около десятой части населения⁸¹.

В конце июня Борис Осипович отправился в Красноярск, куда приплыл 15 июля. Там он продолжил работу над переписным материалом и предварительным отчетом, в котором рассказал о зимних и весенних маршрутах во время переписи на Таймыре. Он закончил его в начале октября и, оставив свой отчет и отчет Рихтера⁸² в Красноярске, уехал в Москву. Полный отчет о работе на Таймыре, а также карты, в том числе этнографические (для лета и зимы отдельно), Долгих обязался прислать в Красноярск до апреля 1928 г. (Там же. Л. 28–30 об.)

Этот большой отчет, сохранившийся, как и другие отчеты Бориса Осиповича, в красноярском архиве, представляет собой почти готовую научную работу. Он состоит из трех разделов: 1) административное устройство Затундры, 2) торговля и положение дел заброски товаров в Затундру, 3) пути сообщения и населенные места Затундры. В коротком, написанном от руки заключении Борис Осипович поясняет некоторые особенности своего отчета. Он пишет, в частности, что не стал повторять в нем того, о чем писал в дополнениях к поселенным бланкам. Данные бланки, по его словам, позволяют получить более полные сведения о племенах его переписного района, поскольку он излагает там “соответствующий этому этнографический материал” (Там же. Л. 27–27 об.). Эти строки читаешь с большим сожалением, поскольку ни один из поселенных бланков по Таймыру, ни дополнения к ним, как и этнографические карты, не сохранились.

Интересно, что в заключении отчета Долгих впервые поднимает вопрос об этнической идентификации и этнических границах, в частности между тунгусами и долганами (Там же. Л. 27 об.), – проблеме, к которой он будет не раз обращаться в своем научном творчестве⁸³.

Из отчета уже видна черта, ставшая характерной для всей последующей деятельности ученого, – защита интересов “туземного” населения от произвола местных властей, а также нередкое корыстных приемов тогдашней торговли. В частности, Борис Осипович рассказывает о возмущении авамских нганасан, вызванном давлением на них инструктора Туруханского РИКа в связи с несогласием нганасан выбрать Хатангский волостной совет в предлагавшемся ими составе. При этом представители из Туруханска, по словам нганасан, иногда прибегали к не совсем законным приемам вроде запугивания “железной коробкой” (по-видимому, тюрьма), “людьми с винтовками из Красноярска”, а также занимались обманом при голосовании вопроса о ВИКе на собраниях родов. Все эти действия вызывали большое возмущение у туземцев. Дело дошло до того, что авамские самоеды объявили бойкот ВИКу, свергли родовой совет, избранный под давлением инструктора Туруханского РИКа, и решили подать заявление обо всем этом во ВЦИК (Там же. Л. 2–2 об.).

Борис Осипович пишет, что, судя по первым шагам, работа Хатангского ВИКа вряд ли будет особенно плодотворной. Причину этого он усматривает в низкой квалификации работников, в том числе приезжих инструкторов, и в их злоупотреблении администрированием. Критикуя местное начальство, регистратор, в частности, отмечает, что «инструктор Туруханского РИКа держится в тундре с замашками пристава старых времен... Как секретари, так и инструктора большею частью полуграмотны, смотрят на свою работу с точки зрения вульгарных администраторов, считающих, что их обязанностью является “гащить и не пущать”, совершенно не понимающих туземцев, меряющих их замкнутость, консерватизм нашей городской меркой “засилья религиозного дурмана” и “кулацкой идеологии”, считающих своим служебным долгом бороться со всем этим административным порядком (один даже додумался до запрещения камлания и реквизиции всех шаманских бубнов и костюмов) и совершенно не понимающие этнографической и культурно-исторической ценности обитающих на их “вотчинах” племен» (Там же. Л. 2 об.–3).

К сожалению, пессимистический прогноз регистратора Б.О. Долгих оказался пророческим – конфликт населения с властями особенно обострился в начале 1930-х годов, а именно во время начавшейся коллективизации и сопутствовавшего ей раскулачивания. В ответ на насильственные действия властей население Авамского и Хатангского районов, т.е. мест, недавно обследованных Долгих и Рихтером, оказало вооруженное сопротивление уполномоченным по коллективизации и организованным для их поддержки местным отрядам. Выступление, приведшее к гибели более двух десятков представителей власти, удалось прекратить после переговоров с руководителями восставших и обещания не преследовать сдавших оружие⁸⁴.

Роль Приполярной переписи в жизни и научной деятельности Б.О. Долгих

Участие в Приполярной переписи было, несомненно, одним из важнейших периодов в жизни Б.О. Долгих. Можно уверенно сказать – эта первая встреча с Севером навсегда определила его судьбу и как человека, и как ученого.

Вернувшись в Москву, он по рекомендации Бунака был принят без экзаменов на второй курс Московского университета. В 1929 г. в журнале “Северная Азия” вышла его первая научная статья, основанная прежде всего на материалах, собранных автором во время работы переписчиком в Затундре⁸⁵. Материалы Приполярной переписи Борис Осипович также широко использовал, участвуя в подготовке “Карты расселения народностей Крайнего Севера СССР”⁸⁶, известной как “Карта Терлецкого”. Кстати говоря, еще во время работы переписчиком Долгих самостоятельно оценил значимость материалов Приполярной переписи для работы по этнографическому картографированию Севера. Выше отмечалось, что он обязался подготовить к своему полному отчету по работе на Таймыре этнографические карты обследованных им с Рихтером участков. Но у него были и более широкие картографические замыслы. Так, А.П. Курилович в докладной записке о научном использовании материалов переписи, направленной в Сибирское краевое статистическое управление в июне 1927 г., писал: “Между прочим, Долгих обратился ко мне с просьбой разрешить ему статистические материалы экспедиции использовать для составления этнографической карты всего Туруханского края. Такое начинание полагал бы возможным всемерно поддерживать”⁸⁷.

Казалось, путь в науку молодому, талантливому ученому открыт. Однако в ту пору в СССР судьба человека далеко не всегда определялась им самим. Сейчас мы знаем, что в 1929 г. Бориса Осиповича по доносу арестовали за критические замечания о коллективизации и раскулачивании. По приговору суда ему назначили всего четыре года ссылки, которую он отбывал на Лене. После ссылки Б.О. Долгих недолго жил и работал в Иркутске, а потом не один год провел на Таймыре и в Эвенкии, занимая должность экономиста землеустроительных экспедиций и продолжая накапливать материалы для будущих научных изысканий. В 1937 г. его приняли на должность этнографа в Красноярский краеведческий музей, где он работал почти семь лет. В 1944 г. по рекомендации С.П. Толстого, ставшего незадолго до этого директором Института этнографии АН СССР, Б.О. Долгих был принят в аспирантуру института и переехал в Москву. С этого времени и до конца жизни (Борис Осипович умер в 1971 г.) он работал в Институте этнографии. Б.О. Долгих совершил множество экспедиций на Красноярский Север – к кетам, нганасанам, энцам, долганам, в 1947 г. защитил кандидатскую, а в 1958 г. – докторскую диссертацию, написал несколько книг и десятки статей, ставших классикой российской этнографии⁸⁸.

Уже в первых научных работах, основанных главным образом на материалах, собранных при проведении Приполярной переписи, он проявил умение использовать для решения многих актуальных этнологических проблем не только чисто этнографические, фольклорные и исторические данные, но и статистические материалы, в том числе итоги переписи. По моему мнению, эта особенность его творческого ме-

тогда в значительной мере сформировалась в ходе интенсивной работы во время Приполярной переписи, которая позволила Б.О. Долгих увидеть за цифрами, мало говорящими при поверхностном, постороннем взгляде на них, многогранную людскую жизнь. И это умение работать не только с более “живыми”, по мнению многих ученых, этнографическими, историческими, фольклорными материалами, но и с сухими, на первый взгляд, цифрами, он не раз блестяще проявлял и в дальнейшем. Подобный комплексный метод ученый широко использовал в кандидатской диссертации о традиционной социальной структуре народов Средней Сибири⁸⁹. А материалы переписи явились для данной работы одним из основных источников.

Вместе с тем, пожалуй, в наибольшей мере этот системный, комплексный подход (он проявился в широком, целостном использовании самых разнообразных источников как качественного, так и количественного характера), а также огромную творческую целеустремленность и работоспособность Б.О. Долгих продемонстрировал при написании своего главного труда – фундаментальной монографии “Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке”.

Говоря в целом о том, какую роль сыграла Приполярная перепись в жизни и научной деятельности Долгих, можно предположить, что именно тогда у него на всю жизнь возникла крепкая эмоциональная связь с Красноярским Севером, сформировалось, можно сказать, “родственное” внимание к населяющим его народам. Иначе, например, непонятно, почему, получив после ссылки долгожданное разрешение на переезд в Москву, Борис Осипович отказался от него, как только узнал о возможности отправиться на Таймыр в составе землеустроительной экспедиции⁹⁰. Словом, народы, с которыми Долгих в юности свела судьба, стали его первой и пожизненной “этнографической любовью”.

Пятнадцать месяцев работы регистратором Приполярной переписи внесли в жизнь Бориса Осиповича не только это. Уже в то время проявилась тяга будущего известного ученого к таким особенно значимым для него проблемам, как традиционная социальная организация сибирских народов, загадки их происхождения и этнической истории, проблемы их социально-этнической идентификации, трансформации традиционных социальных отношений, хозяйства и культуры.

Нельзя не отметить в творческом развитии Бориса Осиповича еще один важный момент, связанный с его деятельностью в период проведения Приполярной переписи. Подводя итоги переписи, руководители Туруханской экспедиции отмечали, что наибольшие трудности для работы переписчиков “представляли два основных момента: выработка методов и способов подхода к туземцу, как к объекту переписи и преодоление препятствий, связанных с различием языка обследователя и туземцев”. При этом переводчики, “услугами которых приходилось пользоваться, не обладая достаточным запасом русских слов, приносили мало пользы, пока регистраторы окончательно не освоились с формулами и не выработали системы опроса, близкой к пониманию туземцев”⁹¹. Преодоление всех этих трудностей, результатом чего явилось накопление опыта тесного общения с представителями иной культурной традиции, начало освоения языков народов Енисейского Севера⁹² стали для Долгих важным и необходимым этапом в его становлении как профессионального этнографа. Не вызывает сомнения тот факт, что работа статистиком-регистратором явилась для Долгих важным фактором и в формировании его индивидуальных методов полевого этнографического исследования, давших впоследствии весьма важные научные результаты.

Примечания

¹ Государственный архив Эвенкийского автономного округа (далее – ГАЭО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–36 об. По одной из копий, найденной А.А. Сириной в фонде Комитета Севера Иркутского областного государственного архива, этот отчет был опубликован. См.: *Курилович А.П.* Отчет Туруханской статистической экспедиции (15 мая – 31 декабря 1926 г.) // *Этнограф. обозрение.* 1999. № 5. С. 144–159 (далее – *Курилович А.П.* Отчет.).

² ГАЭО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 73 об., 79; Д. 3. Л. 3, 24; *Курилович А.П., Наумов Н.П.* Советская Тунгусия (Эвенкийский автономный округ Восточно-Сибирского края). М.; Л., 1934.

³ *Новикова Н.И.* Заседание Ученого совета и Чтения памяти Б.О. Долгих в Институте этнологии и антропологии АН СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). 1991. № 5. С. 125. Ксгати говоря, во время работы переписчиком Туруханской экспедиции отчество Долгих вместо ныне привычного для нас “Осипович” было “Иосифович”. Так назван он в отчете Куриловича (*Курилович А.П.* Отчет. С. 147) и в официальных документах, например, в ведомости расходов по найму временных сотрудников Туруханской экспедиции – Гос. архив Красноярского края (далее – ГАКК) Ф. р-769. Оп. 1. Д. 311. Л. 7. Эту же форму отчества употреблял и сам Долгих в своих отчетах о работе по переписи – ГАКК. Ф-769. Оп. 1. Д. 306. Л. 15. (Далее ссылки на это дело даны в тексте – *Долгих.* Отчеты). Привычные ныне инициалы Долгих встречаются позднее, например, в 1933 г. (см. примеч. 86 настоящей статьи), в 1934–1935 гг. (ГАКК. Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 114. Л. 231 и далее). Конечно, мотивация такого переименования также могла бы служить предметом изучения, но это выходит за рамки задач данной статьи, да и источников для исследования этого сюжета я пока не вижу.

⁴ В 2002 г. на конференции “Сибирь, земля и люди: разрушение или выживание” в г. Лиде (Великобритания). См.: *Savoskul Sergei S.* British Universities Siberian Studies Seminar: ninth conference report // *Sibirica. Jour. of Siberian Studies.* 2003. Vol. 3. № 1. P. 108–111. К этому времени благодаря любезности Алексеи Блок, сделавшей в Красноярске для меня ксерокопии всех четырех отчетов, составленных Б.О. Долгих о его работе регистратором Приполярной переписи, я располагал основной частью архивных материалов, необходимых для подготовки своего выступления на конференции.

⁵ *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999. С. 285–286. См. также: Красноярский краевой краеведческий музей (далее – КККМ). Научный архив. П / п 1942. Оп. 2. Д. 50. Л. 1 (автобиография Б.О. Долгих 1937 г.).

⁶ Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг. Территориальные и групповые итоги переписи. М., 1929. С. V.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. V–VI.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. VII.

¹¹ См., напр.: *Петри Б.Э.* Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926. Подробнее о Б.Э. Петри см.: *Сирина А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1.

¹² Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 51. Л. 4.

¹³ *Ермолова Н.В.* Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 16. В 1925 г. этот институт был включен в Ленинградский университет в качестве географического факультета (Там же. С. 18).

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 51. Л. 6.

¹⁵ Подробнее о нем см.: *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 51. Л. 6. Об А.Н. Липском см.: *Вайнштейн С.И.* Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. Вып. 2.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 39. Л. 53.

¹⁸ Там же. Л. 56.

¹⁹ Там же. Д. 51. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 39. Л. 3 об.

²¹ В своих публикациях П.Е. Терлецкий рассмотрел основные итоги Приполярной переписи. См., напр.: Национальное районирование Крайнего Севера // Советский Север. 1930. № 7–8; Основные черты хозяйства Севера // Советский Север. 1930. № 9–12; Население Крайнего Севера. (По данным переписи 1926/27 г.). Л., 1932 и др.

²² Сибирский край с центром в г. Новосибирске был образован в 1925 г. и делился на округа и районы. В 1930 г. округа ликвидировали и организовали два края – Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский.

²³ *Курилович А.П.* Отчет. С. 146–147; ГАКК. Ф. р-827. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–5.

²⁴ *Курилович А.П.* Отчет. С. 149.

²⁵ Там же. С. 147, 158; ГАКК. Ф. р-769. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–33; Д. 14. Л. 1, 40–40 об., 43–43 об.; Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.–21 об.

²⁶ О Г.М. Василевич см.: *Ермолова Н.В.* Указ. соч. С. 10–46.

²⁷ ГАКК. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 44. Л. 40–41 об.

²⁸ Там же. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 472. Л. 14 об.

²⁹ *Курилович А.П.* Отчет. С. 149–150.

³⁰ *Ковалев Е.И.* Приполярная перепись 1926–1927 гг. в Сибирском крае // Стат. бюлл. (Новосибирск). 1928. № 13–14. С. 222; *Наумов Н.* В Туруханском крае // Землеведение. 1928. Вып. 4. С. 28–29; ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 476. Л. 3 об.

³¹ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 476. Л. 3 об.; Д. 483. Л. 42–42 об.

³² Там же. Д. 483. Л. 42 об.

³³ Курилович А.П., Наумов Н.П. Указ. соч.; Курилович А.П. Гыданский полуостров и его обитатели // Советский Север. 1934. № 1; Наумов Н. Указ. соч.; Он же. Промысловые млекопитающие Туруханского края // Советский Север. 1930. № 3; Он же. Дикая северный олень. М.; Л., 1933; Он же. Млекопитающие Тунгусского округа. Л., 1934.

³⁴ Остроумов Н. К изучению белухи и промысла ее в Енисейском заливе // Тр. Сибирской науч. рыбохозяйственной станции. Т. IV. Вып. 1. Красноярск, 1929; Сушилин Н. К вопросу о новой границе между Приангарским краем Канского округа и районом Подкаменной Тунгуски // Северная Азия. 1929. № 3.

³⁵ О А.П. Лекаренко, ставшем впоследствии заслуженным художником РСФСР, см.: Лисовский Н. Сибирский художник Д.И. Каратанов. Красноярск, 1974. С. 32–33; Давыденко И.М. Художники Красноярска. Л., 1980. С. 126.

³⁶ Курилович А.П. Отчет. С. 158. См. также: Ковалев Е.И. Указ. соч. С. 222; Наумов Н. В Туруханском крае. С. 28.

³⁷ Гос. архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. р-3977. Оп. 1. Д. 378. Л. 91–92, 95; ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 480. Л. 1–7 об.; Д. 487. Л. 20–20 об.; Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 132. Л. 21 об.–22.

³⁸ Курилович А.П. Отчет. С. 151.

³⁹ ГАКК. Ф. р-1380. Оп. 1. Д. 447. Л. 53 об. По словам этого регистратора, детально изучить переписные формуляры и порядок их заполнения пришлось уже на месте, что “не замедлило отразиться на самой работе, во всяком случае, в начале ее” (Там же).

⁴⁰ Курилович А.П. Отчет. С. 149–150; ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 463. Л. 7. В ГАКК сохранился перечень переписных формуляров, выданных Б.О. Долгих 8 июня 1926 г., с его подписью, удостоверяющей их получение (Ф. р-769. Оп. 1. Д. 487. Л. 14).

⁴¹ Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925.

⁴² ГАКК. Ф. р-1380. Оп. 1. Д. 447. Л. 54–54 об.

⁴³ Там же. Л. 54 об.–55.

⁴⁴ Долгих Б. Кеты. Иркутск; Москва, 1934. С. 4.

⁴⁵ Там же. С. 113–114.

⁴⁶ ГАКК. Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–26.

⁴⁷ См., напр: ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 423, 433, 442, 444, 445.

⁴⁸ Там же. Д. 311. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Ф. р-1380. Оп. 1. Д. 447. Л. 54 об.–55.

⁵⁰ Долгих Б. Кеты. С. 50.

⁵¹ Вайнштейн С.И. Указ. соч. С. 292–293.

⁵² Кроме цитированной выше монографии 1934 г. Б.О. Долгих опубликовал о кетах еще несколько работ. См.: Долгих Б.О. Родо-племенной состав и расселение кетов // Докл. и сообщ. историч. ф-та Моск. гос. ун-та. Вып. 9. М., 1950.; Он же. Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска // СЭ. 1952. № 2; Он же. Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов в прошлом // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). Вып. 16. М., 1952; Он же. Кеты // Народы Сибири. М., 1956 (в соавт. с А.А. Поповым); Он же. О похоронном обряде кетов // Сов. археология. 1961. № 3. Уже после смерти ученого была опубликована еще одна подготовленная им работа об этом народе. См.: Долгих Б.О. К истории родо-племенного состава кетов // Кетский сб.: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.

⁵³ Курилович А.П. Отчет. С. 154; Ковалев Е.И. Указ. соч. С. 218–219; Наумов Н. В Туруханском крае. С. 46–47.

⁵⁴ Курилович А.П. Отчет. С. 152.

⁵⁵ Островских П.Е. К вопросу “о населении Таймырского полуострова” // Северная Азия. 1929. № 2. С. 77; Долгих Б. Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района // Там же. С. 50.

⁵⁶ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Л. 17–18.

⁵⁸ Там же. Л. 32. В телеграмме речь, несомненно, идет о Боганиде (ныне – одноименный поселок), расположенной на оз. Боганида в 65 км от Дудинки (Наумов Н. В Туруханском крае. С. 29), по дороге к “Нарыльску”, а не о станке или р. Боганиде, которые находились более чем в 400 км по прямой от Дудинки.

⁵⁹ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 2. Д. 14. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Л. 30.

⁶¹ Там же. Л. 40–40 об.

⁶² Там же. Л. 31 об.

⁶³ Курилович А.П. Отчет. С. 148.

⁶⁴ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 463. Л. 14–14 об.

⁶⁵ Там же. Л. 15–19.

⁶⁶ Там же. Д. 407. Л. 113–114.

⁶⁷ Уголовный кодекс. М., 1924. С. 166.

⁶⁸ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 463. Л. 18 об.

⁶⁹ О Хатанском тракте и его роли в социально-этническом развитии местного населения см.: Долгих Б. Население полуострова Таймыр... С. 51; Он же. Происхождение долган // Сибирский этнограф. сб. Т. V. М., 1963. С. 95–97.

⁷⁰ Ковалев Е.И. Указ. соч. С. 218.

⁷¹ Долгих Б. Население полуострова Таймыр... С. 67.

⁷² Долгих Б. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII в. // Проблемы Арктики. 1943. № 2.

⁷³ КККМ. О/ф 7626-110. Л. 111–115.

⁷⁴ Лисовский Н. Указ. соч. С. 32–33.

⁷⁵ Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 16. 20 записей Лекаренко см. в: Архив Института этнологии и антропологии (далее – ИЭА) РАН. Фонд Б.О. Долгих. Папка 3.

⁷⁶ Мифологические сказки... С. 16; Архив ИЭА РАН. Фонд Б.О. Долгих. Папка 1.

⁷⁷ Легенды и сказки нганасан. Красноярск, 1938; Мифологические сказки...

⁷⁸ КККМ. О/ф 7626-110. Л. 115–115 об.

⁷⁹ Архив ИЭА РАН. Фонд Б.О. Долгих. Папка 1.

⁸⁰ См., напр: ГАКК. Ф. р-769. Д. 442. Л. 1–14, 23–24.

⁸¹ Там же. Д. 423, 433, 442, 444, 445.

⁸² Отчет Рихтера в красноярском архиве я не нашел. Не исключено, что он хранится в Новосибирске, поскольку его вместе с отчетами ряда других регистраторов Туруханской экспедиции – Дингильштедта, Наумова, Кодолова, Георгиевского, Рейнгольда и Долгих – увез из Красноярска заместитель заведующего Сибирским краевым статистическим отделом Е.И. Ковалев. См.: ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 487. Л. 5; Д. 463. Л. 25.

⁸³ Долгих Б. Население полуострова Таймыр... С. 60–73; *Он же*. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабара // СЭ. 1950. № 4; *Он же*. Происхождение нганасан // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVIII. М., 1952; *Он же*. Происхождение долган; *Он же*. Образование современных народностей Севера СССР // СЭ. 1967. № 3.

⁸⁴ См. подборку архивных документов об этих событиях, подготовленную Н. Плужниковым: Северные просторы. 2002. № 1–2. С. 60–63.

⁸⁵ Долгих Б. Население полуострова Таймыр...

⁸⁶ Карта издана в 1933 г. Комитетом Севера, составлена П.Е. Терлецким, руководившим разработкой материалов Приполярной переписи в ЦСУ. Показательно, что участие в работе по ее составлению “студентов МГУ Б.О. Долгих и Я.П. Терлецкого и ВХУТЕИНа А.М. Каретникова” зафиксировано на титуле карты.

⁸⁷ ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 480. Л. 6–6 об.

⁸⁸ Вайнитейн С.И. Указ. соч. С. 292–304. Помимо названных выше книг Б.О. Долгих опубликовал монографию “Очерки по этнической истории ненцев и энцев” (М., 1970) и фольклорный сборник “Мифологические сказки и исторические предания энцев” (М., 1962). Более полную библиографию его трудов см.: СЭ. 1972. № 2. С. 178–179.

⁸⁹ Об основном содержании кандидатской диссертации см.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири // КСИЭ. Вып. 5. М., 1949. С. 70–85.

⁹⁰ Вайнитейн С.И. Указ. соч. С. 290–291.

⁹¹ ГАКК. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 132. Л. 20; Ф. р-769. Оп. 1. Д. 477. Л. 5.

⁹² Можно полагать, что, по крайней мере, к концу 1930-х годов Б.О. Долгих в той или иной мере владел языками изучаемых им народов Енисейского Севера. Так, во время обсуждения в марте 1938 г. плана работы предстоящей Северной экспедиции Красноярского краеведческого музея ему было сделано замечание, что не учтено знание языков северных народов. В ответ Борис Осипович сказал: “Работая раньше на Севере, я в основном изучил основные языки народностей Севера, а поэтому, руководя этой экспедицией, надеюсь работу провести без особых затруднений” (ГАКК. Ф. 795. Оп. 1. Д. 46. Л. 5). Якутским же языком, являвшимся в то время преимущественным средством общения большинства “туземного” населения Таймыра и севера Эвенкии, он владел в такой степени, что, прослушав фольклорный текст по-якутски, тут же записывал его на русском языке (КККМ. Научный архив. П/п 1843. Оп. 1. Д. 600. Л. 6 об.–7, 9 об.).

S. S. S a v o s k u l. First Time in the North: B.O. Dolgikh – Registrar of the Circumpolar Census

The article discusses the life and work of Boris Osipovich Dolgikh, a well known Russian/Soviet ethnographer, who took part in the 1926 Circumpolar census as a registrar. The author demonstrates that this experience, which brought Dolgikh in close contact with other cultures and other languages for the first time, was instrumental both in his becoming a professional ethnographer and in his development as a skilled fieldworker.